

Иннокентий Смоктуновский

ОТКРЫТИЕ ОБРАЗА

Мастер чело­ве­ко­ве­де­ния

— ...Я шел в театр и вдруг увидел, как красива наша Москва, — так началась наша беседа с Иннокентием Михайловичем. — Вся занесенная снегом, чистым, белым, еще не успевшим почернеть от копоти и пыли, вся какая-то нежная, добрая, гостеприимная — это прекрасно!.. Может быть, я заметил это потому, что шел играть в «Иванове»... Играть роль очень непростую, которая, думаю, мне не дается... Поэтому идешь в театр и стараешься почерпнуть силы для нее из окружающего...

— Вам нравится играть пьесы Чехова?

— «Нравится» — не «нравится» — такая категория оценок здесь неуместна. Правильнее, наверное, было бы сказать, получаю ли я удовлетворение от спектакля. Но это всегда зависит от того, как реагирует зритель. Если постановка оставляет его равнодушным, не волнует, если зритель «утрачен» — значит, мы проиграли, спектакль не получился.

— Вы считаете, что «Иванов» оставляет зрителя равнодушным?

— Мне кажется, да. Нет в зрительном зале явной реакции, выражения эмоций, нет явного сочувствия к героям... Как это ни горько, но в спектакле исчезла наполненность — а ведь Чехов удивительно тонок, его пьесы словно сотканы из тонкостей, намеков, подтекста... А у нас сейчас в основном представля-

ют обозначения того, что должно было быть внутри. Что такое обозначения? Представьте: в цирке артист встал в такую позу, словно он собирается сделать двойное сальто, сказал «ап», а потом, не сделав сальто, выдохнул, как будто он его сделал. Сальто самого нет, а есть только его обозначение... Надо заново разобрать роли, вспомнить характеристики образов, восстановить подтексты... Еще одну причину, по-моему, нужно искать в истоках режиссерской версии, в ее подоплеке: может быть, слишком большой акцент сделан на современном звучании пьесы — этой первой, незавершенной пьесы Чехова. А если так, то меньше внимания уделяется атмосфере его времени, драматургии, истинным взаимоотношениям персонажей — и значит, мы что-то теряем...

— То есть вы считаете, что, инсценируя чеховские пьесы, нужно...

— Нужно как можно лучше передать их атмосферу, ведь она у Чехова необыкновенно важна. Создать на сцене атмосферу жизни персонажей. Нужно возвращаться к реалистическому оформлению. Здесь, в новом здании МХАТа, играть Чехова невероятно сложно: размеры зала, плохая акустика не дают возможности быть «объемным» на сцене, то есть существовать внутри, жить в образе... При постановке чеховских пьес нель-

зя держать камень за пазухой... Что это значит? Нельзя пытаться, как иногда делают, приспособить их к каким-то сиюминутным проблемам, событиям, которые, может быть, и очень актуальны в данный момент, но никакого отношения к Чехову не имеют. Все это, заметно, неинтересно, и, главное, теряются истинная глубина, общечеловеческая философия произведения... Надо ставить пьесу так, как она написана, надо сохранить аромат первозданности. И тогда она сама натолкнет зрителя на размышления о современных проблемах.

— Но именно вследствие глубины классических произведений каждое поколение находит в них ответы на волнующие его вопросы. Чем, по вашему мнению, Чехов близок нам? Что без «осовременивания» делает его пьесы современными?

— Нравянодушие. Поиск. Призыв к действию... В пьесах Чехова есть элемент философской драмы: у героев нет живой созидательной идеи, они тоскуют, мечтают о ней или мирятся с этим — но не знают, как действовать, как вырваться из плена обыденности. Они хотят найти идею, смысл, цель жизни. Найти высокую и достойную цель созидания, дающую возможность верить в завтрашний день. Вот этот поиск философских и нравственных ценностей, по-моему, приближает драматургию Чехова к нашему времени — сложному вре-

мени, не менее сложному, чем чеховское...

Мне кажется, исчезает сейчас у некоторых людей осознанное, яркое ощущение жизни, ощущение ее красоты и наполненности, радость созидания. Надо вернуть их! Надо дать понятие о них — наверное, это и есть наша задача, когда мы представляем чеховские пьесы. Ведь главное в них — духовность, внутренняя жизнь героев, от затаенной мечты до бури в душе... Для русского человека чеховские произведения всегда будут актуальны — потому что в них действуют люди, наделенные чисто русскими чертами характера: неуспокоенностью, стремлением найти смысл жизни, найти себя...

— Вы играли почти во всех пьесах Чехова...

— Да, я ведь даже начинал свою сценическую жизнь его пьесой — в школьной самодеятельности сыграл Ломова в одноактной пьеске «Предложение». А потом — Гаев в «Вишневом саде», дядя Ваня — Войницкий в «Дяде Ване», Иванов, Дорн в «Чайке»... Хотя, честно говоря, я сначала хотел играть Тригорина. Но пьесе завершает фраза: «Уведите отсюда куда-нибудь Иришу Николаевну, Дело в том, что Константин Гаврилович застрелился», и ее говорит доктор Дорн. Станиславский и Немирович-Данченко считали, что произнести ее — самое

трудное дело в пьесе. Трудностей я не боюсь и потому решил попробовать... Но это, конечно, шутка. А что касается «Чайки», то, на мой взгляд, спектакль идет недостаточно живо. Это оправдано необходимостью создать атмосферу дачной скуки — но оправдано только до тех пор, пока скука царит на сцене, но не в зале! Ни в коем случае нельзя допускать, чтобы зритель тоже стало скучно, как чеховским персонажам.

— Иннокентий Михайлович, что вы открыли для себя в чеховских образах?

— Я старался проникнуть в подоплеку образов, прочувствовать их внутреннюю сущность... Жить их жизнью, думать их мыслями... Для этого, конечно, изучал не только текст пьесы, но и биографические, и многие другие материалы... Чтобы играть чеховских героев, нужно быть такими же одухотворенными, как они, нужно понять их мечту о лучшей жизни, их стремление вырваться из пошлых будней. Нужно почувствовать себя более восприимчивым, более ранимым... И тогда придет власть над зрительным залом — зал прислушается к нашим сердцам, к внутренней жизни героев Чехова, этого удивительного мастера чело­ве­ко­ве­де­ния.

Беседу вел
Н. ПЕТРЕНКО.